

— Три тысячи лян? Так много? — Бай Иньфэн побледнел от изумления. Он два месяца шёл до столицы, затем бегал туда-сюда, выискивая способы выжать из Бай Фу хоть что-то, и только после долгих уговоров Бай Фу пообещал дать ему двести лян после успешного завершения дела. А Тан Сяоу запросто даёт красный конверт с тремя тысячами лян!

— Продажа пилюли принесла больше пяти тысяч лян, половину отдаю тебе.

— Не нужно, это же ты трудился, создавая её, оставь себе. К тому же раньше, когда мы странствовали по рекам и озёрам, всегда ты вёл счета. Впредь мы тоже будем вместе, незачем разделять.

— Ладно. Ты только что сказал, что о чём-то думаешь, так о чём именно?

Бай Иньфэн задумался:

— Я думал о том, что человек, который якобы создал ту Пилюлю великого бессмертного, наверняка самозванец и мошенник. Может, нам стоит проследить эту ниточку?

— И ты столько времени думал об этом? — лениво произнёс Тан Сяоу. — Конечно, расследовать нужно, но не обязательно сию же минуту. Разве ты приехал в столицу не по делу? Всё уже уладил?

Вспомнив о запутанных делах семьи Бай, Бай Иньфэн невольно вздохнул и рассказал Тан Сяоу всю историю с начала до конца.

— А У, скажи, что этот тип по фамилии Ван вообще имел в виду? Я даже не спросил его, занимался ли он боевыми искусствами, открывал ли каналы, а у него хватило наглости спрашивать, учился ли я, было ли у меня начальное образование!

Тан Сяоу рассмеялся:

— Ты, наверное, его неправильно понял. О Ван Юйдэ я кое-что слышал. Он больше всего любит брать под своё покровительство учёных и литераторов, жаль только, что мало кто желает ступить на корабль евнуха. Ван Цянь — один из его приёмных сыновей. Возможно, он просто хотел узнать, не единомышленник ли ты. Кстати, твоя семья, отправляя сюда Бай Иньсуна, наверняка имела это в виду.

— Верно! А У, вот ты умён, сразу всё понял! Этот парень Бай Иньсун, возможно, заранее знал об этом и специально притворился больным, чтобы затянуть время. Мерзавец!

— Я просто давно в столице, поэтому знаю немного больше тебя. Что касается твоего двоюродного брата, я его не видел, так что не знаю, правда он болен или притворяется. Дела твоей семьи с евнухом Ваном вести можно, но вот желание твоего третьего деда-прадеда припасть к ногам евнуха Вана, вероятно, не осуществится.

— Почему?

— Евнух Ван был любимцем покойного императора. Сейчас на троне новый государь, и неизвестно, захочет ли новый император по-прежнему его благоволить. Поэтому ему нужно убрать когти, проявить осторожность, присмотреться к характеру нового императора и уже потом что-то решать.

— Так вот в чём дело. — Бай Иньфэн хотел задать ещё несколько вопросов, но, увидев, что Тан

Сяоу выглядит вялым и съел совсем немного, лишь немного овощей и яичного супа, понял, что тому не лучше.

— А У, еда остыла, разогреть?

Тан Сяоу покачал головой, глядя на Бай Иньфэна, в уголках его губ дрогнула слабая улыбка.

— Уже поздно, мне пора возвращаться в храм.

— В Храме Саньшань такие строгие правила? Каждый вечер нужно возвращаться?

— Нет, не совсем.

— Тогда останься? Как в старые времена, на одной кровати, и я за тобой присмотрю.

Тан Сяоу на мгновение замолчал.

— А Фэн, ты когда-нибудь задумывался, в чём причина твоих успехов в изучении меча?

Бай Иньфэн подумал и сказал:

— Потому что я умён?

Тан Сяоу словно поперхнулся. Бай Иньфэн поспешил хлопнуть его по спине.

— Что случилось? Мало поел, а будто объелся?

Тан Сяоу мягко отстранил его и серьёзно произнёс:

— Думаю, причина в том, что ты чист сердцем и помыслами, не обременён лишними мыслями. Восемь лет только меч был твоим спутником, поэтому ты и смог постичь столь глубокое мечевое искусство! Продолжай в том же духе, и, возможно, ты постигнешь одиннадцатый меч, рубящий море?

Бай Иньфэн опешил, но тут Тан Сяоу махнул рукой и бесшумно удалился.

За эти годы мастерство лёгкого шага Тан Сяоу несколько не ухудшилось, а стало ещё лучше. Бай Иньфэн видел лишь, как развеваются его широкие рукава, словно он уносится ветром.

Смотря вслед уходящему Тан Сяоу, Бай Иньфэн не смог сдержать вздоха. Младший брат Сяоу вырос, с ним уже не поиграешь, как прежде.

Однако затем он передумал. Эти слова звучали так, будто Сяоу вырос, а он сам — нет. Хм, правильнее было бы сказать: младший брат Сяоу вырос, и он, как старший брат, может быть спокоен.

А вот ему самому будет непросто выпутаться. Если информация, полученная от Тан Сяоу, верна, то семье Бай будет сложно опереться на влияние евнуха Вана. По его мнению, наилучшим исходом уже будет заключить эту сделку так, чтобы семья Бай не ободралась как липка.

Он был не просто человеком, знающим боевые искусства, но не умеющим думать. Тот, кто смог свести Восемьдесят один меч, рубящий море, к девяти приёмам, определённо обладал умом выше среднего. Просто ум Тан Сяоу уже превосходил всех остальных, и, находясь рядом с ним,

Бай Иньфэн привык полагаться на его советы.

Да и Тан Сяоу был прав: он сам владел слишком малым количеством информации, поэтому всё вокруг видел смутно и неясно.

Законная жена Бай Динси чрезмерно его опекала, держала под домашним арестом в усадьбе. Если какой-нибудь слуга лишний раз заговаривал с ним, на следующий день того заменяли. Так прошло несколько лет, и он мог только постоянно вспоминать и повторять то, чему учила его приёмная мать. В конце концов, прорвав блокаду семьи Бай, он обнаружил, что его боевое мастерство достигло уровня, о котором он и сам не вполне отдавал отчёт. Будь у него выбор, он предпочёл бы оставаться свободным, лучше всего — в Долине Вечной Жизни, проживая беззаботные дни вместе с Тан Сяоу.

Теперь, когда боевое искусство достигло совершенства, упорные тренировки лишь помогали поддерживать форму, а сделать следующий шаг было крайне сложно. Может, поехать к морю и увидеть настоящие волны? По крайней мере, они должны быть свирепее и яростнее, чем воображаемые?

Десятый приём был выведен из предыдущих девяти. Он считал, что вся квинтэссенция сконцентрирована в десятом приёме, и дальнейшие выведения невозможны. Получается, одиннадцатый приём нужно создавать с нуля?

Он не знал, что эти слова были лишь отговоркой Тан Сяоу, и погрузился в размышления.

На следующий день Бай Фу действительно сообщил ему одну плохую и одну хорошую новость. Плохая: евнух Ван по неизвестной причине получил выговор от императора и с сегодняшнего дня закрылся для гостей, предаваясь самоанализу в течение месяца.

Хотя их дела с евнухом Ваном могли вести его приёмные сыновья, сам евнух Ван был крайне осторожен и осмотрителен. Как только вышел указ, он взял под контроль даже своих приёмных сыновей. Таким образом, эта сделка могла быть отложена на неопределённый срок.

Хорошая новость заключалась в том, что весть о болезни Бай Иньсуна дошла до главной семьи, и третий дед-прадед отправил дядю Бай Динъюаня принять руководство.

Вероятно, обнаружив, что Бай Иньсуна нет в столице, они испугались, что он, побочный сын, и слуга Бай Фу сговорятся и начнут набивать собственные карманы. На самом деле беспокоиться было не о чем — он и Бай Фу уже разделили добычу.

Семья Бай слишком сурова к слугам, все работали без энтузиазма. Если бы не Бай Фу, который помогал им подзаработать, возможно, никто бы и не трудился. Когда пришло это известие, Бай Динъюань уже выехал и доберётся до столицы через месяц. В худшем случае дело завершится только к второму месяцу. Это означало, что им, возможно, придётся встречать Новый год в столице, что вызывало всеобщее недовольство.

Бай Фу подвёл счёта и отдал ему положенные двести лян. Но для человека, который легко отказался от тысячи лян награды, двести лян серебра казались уже не такими уж впечатляющими! Не говоря уже о том, что эти деньги были засчитаны на момент прибытия Бай Динъюаня в столицу, и когда дядя призовет его к ответу, он ничего не сможет поделаться.

Получалось, что за полгода тяжкого труда он получил лишь двести лян, что меньше месячного жалования умелого слуги.

Быть побочным сыном хуже, чем наёмным работником.

Чтобы сэкономить, они сняли частный дом для хранения товаров, и все перестали жить в гостинице, решив подождать прибытия Бай Динъюаня.

Дом был очень ветхим, и Бай Фу, естественно, не захотел там жить, найдя себе другое место. Пока однажды Бай Иньфэн случайно не обнаружил, что тот ночью пробирается в чёрный ход к вдове, а та, смеясь, встречает его. Бай Иньфэна чуть не вырвало.

Бай Фу отвечал только за ведение счетов, а ему же нужно было обеспечивать безопасность товаров, поэтому он не мог просто уйти и вынужден был спать на складе вместе с остальными слугами.

Незаметно в столице выпал первый снег.

Тан Сяоу навещал его каждые несколько дней, они вместе ходили поболтать и поесть неподалёку. Но у Тан Сяоу тоже были свои дела, поэтому они лишь ненадолго встречались и расходились.

Узнав о текущем положении Бай Иньфэна, Тан Сяоу предложил ему всё бросить и приехать в Храм Саньшань погостить. Но Бай Иньфэн настаивал, что раз пообещал, то должен довести дело до конца.

Тан Сяоу больше не уговаривал.

— Позавчера переел, блеванул бы...

<http://bllate.org/book/15610/1393502>